

Литература:

1. Western civilizations :their history&their culture / Judith G. Coffin [etal.]. — Seventeenth ed. – W. W. Norton & Company, Inc. 2011.
2. Worlds together, worlds apart : a history of the world from the beginnings of humankind to the present / Robert Tignor ... [et al.]. — 3rd ed. – W. W. Norton & Company, 2011.
3. Perry, M. Western Civilization: A Brief History, Volume II: From the 1400s, Seventh Edition. Wadsworth, Cengage Learning, 2011.
4. Duiker, W. J. Contemporary World History. Fifth Edition. – Wadsworth, Cengage Learning, 2007.
5. Spodek, H. The World`s History. Third Edition. – Pearson Education Inc., 2006.

УДК 930.7 ГРНТИ 14.28.1 КОД ВАК: 07.00.03

А.А. Постникова

Екатеринбург

РУССКАЯ КАМПАНИЯ НАПОЛЕОНА: АКТУАЛИЗАЦИЯ ОБРАЗОВ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РОССИИ И ФРАНЦИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ⁷

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: историческая память, образ другого, Первая мировая война, общественное сознание, пропаганда.

АННОТАЦИЯ. Международные отношения конца XIX – начала XX в. стали значимым этапом сближения народов России и Франции. Государства, почти столетие находившиеся по разные стороны «баррикад», были вынуждены обратиться к каким-то общим образам памяти ради исторического обоснования русско-французского союза. Образ войны 1812 года активно использовался в российской и французской пропаганде как средство преодоления страха в трудный период 1914 – 1918 гг.

А.А. Postnikova

Yekaterinburg

RUSSIAN CAMPAIGN OF NAPOLEON: THE

⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 16-18-10041).

ACTUALIZATION OF IMAGES IN THE HISTORICAL MEMORY OF RUSSIA AND FRANCE DURING THE FIRST WORLD WAR

KEY WORDS: historical memory, image of another, First World War, public consciousness, promotion.

ABSTRACT. The international relations of the end of XIX – the beginning of the 20th century became a significant stage of rapprochement of the Russian and French people. The states, almost century which were on different sides of "barricades" have been forced to address some general images of memory for historical justification of the Russian-French union. The image of war of 1812 was actively used in the Russian and French propaganda as means of overcoming fear during the difficult period from 1914 to 1918.

Международные отношения конца XIX – начала XX в. стали значимым этапом сближения русского и французского народов. Государства, почти столетие находившиеся по разные стороны «бarrикад», были вынуждены обратиться к общим образам памяти ради исторического обоснования русско-французского союза. Таким объединяющим обе нации событием стала война 1812 года. Так, образ прошлого вновь оказался в «заложниках» у современности.

Дипломатическое сближение России и Франции способствовало изменению интерпретации событий русской кампании 1812 г. в представлении французов. В конце XIX в. французские СМИ, стремясь в ожидании войны упрочить отношения Франции с Россией, стали активно отказываться от устоявшихся образов кампании 1812 г. В периодической печати за это время появлялось все больше сообщений о том, что сражения 1812 года были общей русско-французской победой. «Великая армия перешла реку без сражения с русскими. Во Франции и в России помнят драму войны 1812 г. Это была наша общая победа» (3), – зафиксировала газета «Ле Тан».

Факт признания России важнейшим союзником Франции теперь способствовал публикации источников и мемуаров солдат русской армии, участвовавших в войне 1812 г.(2) Однако перед мировой войной в знак солидарности к союзникам изменениям подвергся и образ англичан; даже Наполеон воскрес, восклицая «Да, здравствует Англия» (см. прил. № 1).

Основным противником французов в это время становится Германия, в связи с чем, в информационном пространстве Франции в 1914-1918 гг. довольно часто демонстрировался факт столкновения интересов двух завоевателей: Наполеона и кайзера Вильгельм II. Очевидно, что французские публицисты и художники пытались подчеркнуть преимущества французского императора перед немецким правителем. В начале войны во Франции была выпущена почтовая карточка, на которой Наполеон, обращая внимание на маленькую фигуру Вильгельма, с удивлением, замечает: «Это тоже император! Эти немцы всегда делают подделки».

На протяжении всей войны во французском информационном пространстве образ Наполеоновской эпохи возникал как факт превосходства Франции над Германией. В 1913 году, когда мир только готовился к войне, французские публицисты неоднократно вспоминали о русской кампании, подчеркивая, что немцы, находясь в составе Великой армии, проявили верность Наполеону: «Военный разум Наполеона целиком подчинил волю саксонцев, баварцев, вюртембергцев. Несмотря на печальное отступление, представители всех народов, составлявших Великую армию, даже немцы, продолжали верить в гений Наполеона. Это была Европа, в которой могла главенствовать только Франция» (9).

Однако обращение во французской периодике к образу русской кампании, прежде всего, преследовало пацифистские цели. Так, в газетах неоднократно публиковались сюжеты трагичного отступления Великой армии из России, которые выражали идею о том, что тщеславные мотивы изначально губительны: «В конце июня 1812 года Великая армия Наполеона пересекла Неман, чтобы завоевать Россию. На обратном пути некогда сильные солдаты превратились в людское стадо» (5).

С началом военных действий 1914 года образ русской кампании стал использоваться в периодике и для характеристики действий русской армии. Так, в начале 1915 года в связи с активизацией военных действий на Восточном фронте появляются в печати восторженные ободряющие отзывы о действиях русских: «Не забывайте отступление 1812 года, когда царь победил Наполеона. Русским можно доверять»(7). Подобные воспоминания о героической победе России над великим императором, прежде всего, были призваны убедить фран-

цузское общество в мысли о приближающихся успехах на Восточном фронте.

К концу 1915 года в связи с отступлением русской армии эти надежды не оправдались, что сразу же сказалось и на интерпретации образа войны 1812 года в периодической печати Франции: «Русские из-за своей трусости и отступления открыли Наполеону дорогу на Москву. Победа в этой войне стоила им много жертв и экономического разорения» (10).

С началом сражения под Верденом образ Наполеоновской эпохи стал использоваться как пример моральной стойкости французов. Так, в конце февраля 1916 года в своем публичном выступлении президент П. Дешанель вспомнил слова Наполеона: «Больше всего я люблю в мире бессилие физической силы перед стойкостью духа» (11). В самые тяжелые часы 1916 года публицисты вспоминали Наполеоновскую эпоху как период героической истории Франции. К примеру, в газете «Ле Галуа» было отмечено: «...во все значимые эпохи Франция лидировала, а в эпоху Наполеона вообще объединила всю Европу, в связи с чем, территориальные притязания Германии исторически не обоснованы. Единственной ошибкой Франции был 1812 год, и это привело великую Францию к трагедии» (6).

В газетах за 1916 год описание русской кампании сводилось, в основном, к объяснению неудач Наполеона объективными факторами: «Существуют схожие черты между русской кампанией и кампанией 1915 года. Наполеон также действовал очень стремительно, сражение под Москвой стало французской победой, но не привело к решающим результатам. Однако следует сказать, что тогда у Франции был противник, который имел значительное преимущество в пространстве и климате» (12).

Очевидно, что к 1917 году в газетах уже не использовались образы кампании 1812 года для укрепления русско-французской дружбы. Упоминания о победах русской армии в 1812 году в российской периодике теперь вызывало возмущение у французских публицистов. Так, 5 февраля 1917 г. в журнале «Интрансижант» было опубликовано сообщение о том, что российское правительство рождественскую ночь 1917 года посвятило «победе русских против галлов в 1812 году» (8). Далее следовал комментарий к этой статье: «Русским следовало бы

молиться не за свои прошлые победы, а за победу союзников над Германией в этой войне».

Последнее упоминание о русской кампании во французской периодике за годы войны было связано с заключением Брестского мирного договора. В марте 1918 г. газета «Ле Тан» опубликовала речь В.И. Ленина, в которой он, отметив необходимость договора с Германией, вспомнил Тильзитский мир: «Из истории мы знаем, что позорный Тильзитский мир с Наполеоном был всего лишь временной отсрочкой войны...» (4). Так, под воздействием внешнеполитических событий память о русской кампании вновь разделила Францию и Россию.

С началом Первой мировой войны российская публицистика так же активно стала использовать образы войны 1812 года. В отличие от французского информационного пространства, российская публицистика не стремилась отказаться от устоявшихся образов войны 1812 г. ради укрепления союза с Францией. Единственным новым моментом стало то, что 1812 года стал интерпретироваться не как победа над французским народом, а как победа над «тщеславным захватчиком» Наполеоном. В связи с чем, в сатирических изображениях в годы мировой войны целенаправленно сравнивался кайзер Вильгельм II с французским императором.

Использование в политической сатире образа Наполеона должно было убедить русскую общественность в гибельности планов кайзера на мировое господство. Довольно известная карикатура того времени «Раз увидел кайзер сон/ Будто он – Наполеон...» (см. прил. № 2) представляет Вильгельма, падающего в огромную калошу, где уже сидит его сподвижник Франц-Иосиф. Над этой сценой витает фигура Наполеона, который наблюдает за тщетностью попыток своего последователя. Подобная же идея была заложена в «интервью» с выдающимися деятелями прошлого, опубликованном в журнале «Кривое зеркало». Наполеон в своей речи убеждал Вильгельма в том, что он, французский император, был гораздо умнее германского правителя, но все же проиграл России (1).

Публицисты для создания сатирических сюжетов о начавшемся в 1914 году европейском конфликте активно использовали карикатуры, посвященные войне 1812 года, что создавало некую аллюзию сходства данных событий. Конечно, основная часть сюжетов подчеркивала ге-

роизм русского народа в 1812 и 1914 годах, что должно было способствовать поднятию патриотического духа. К примеру, изображение народного силача в карикатуре «Чаво этто ты Ванька делаешь? / Аль ня видишь – дурака валяю!» (см. прил. №3), по композиции и сюжету схоже с «Русским Геркулесом» (см. прил. № 4). Главный герой – это солдат, который легко и непринужденно держит на весу барахтающихся Вильгельма II и Франца-Иосифа.

Другое изображение «Прошли золотые денечки!.. / Остались одни лишь мечты» (см. прил. № 5) по сюжету напоминает карикатуру И. Терebeneва «Пляска Наполеона» (см. прил. № 6). Как в первом случае, так и во втором, подчеркивается превосходство русского солдата над бессилием неприятеля.

Для принижения боеспособности немцев в сатирических изображениях 1914 года использовались аналогии с отступлением Великой армии из России. Карикатура Терebeneва «Смотр французских войск на обратном их походе через Смоленск» (см. прил. № 7) вдохновила художника С. Иванова на создание лубка под названием «Парад» (см. прил. № 8). На первом плане находится Вильгельма II, с гордостью демонстрирующий Францу-Иосифу свое доблестное войско. Чуть в глубине, слева, полукругом выстроились ребятишки, облаченные в военную форму немецкой армии. Австрийскому главе немецкая армия отнюдь не внушает доверия. Он в замешательстве и пытается отговорить самонадеянного Вильгельма от сомнительного предприятия: «... Ну и войско ж у тебя!.. / Русский сразу их похерит, / Говорю тебе любя!».

Так, образ войны 1812 года активно использовался в российской и французской пропаганде как средство преодоления страха в трудный период с 1914 по 1918 г. Очевидно, что тема победы русского народа над великим захватчиком Наполеоном являлась ключевым сюжетом отечественной политической сатиры в 1914 году. Использование образа французского императора в карикатурах преследовало цель убедить российское общество в том, что подобный итог войны с Россией ожидает и Вильгельма II. Для французской пропаганды использование образа русской кампании 1812 года на начальном этапе Первой мировой войны было способом укрепления русско-французского союза. Однако после разочарований в действиях русской армии на восточном фронте воспоминания о данном событии стали для французов, с одной

стороны, способом преодоления травмы, а с другой – призывом к миру.

Источники:

1. Кривое зеркало. 1914. №4.
2. Mémoires du général – major russe baron de Lewenstern // Minerva. 1903. № 25 – 28.
3. Le Temps. 1912. Avril.
4. Le Temps. 1918. Mars.
5. Le Gaulois. 1914. 24 juin.
6. Le Gaulois. 1917. 6 août.
7. L'Image de la guerre. 1915.
8. L'Intransigeant. 1917. 5 février.
9. Le Journal de l'Empire. 1913. Septembre.
10. Le Journal de l'Empire. 1915. Novembre.
11. Le Journal de l'Empire. 1916. Janvier.
12. Le Journal de l'Empire. 1916. Septembre.

Приложение № 1 «Да здравствует Англия!»

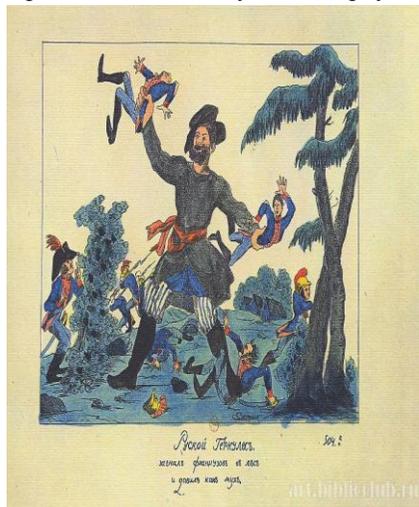
Приложение № 2 «Раз увидел кайзер сон/ Будто он – Наполеон...»[1914]

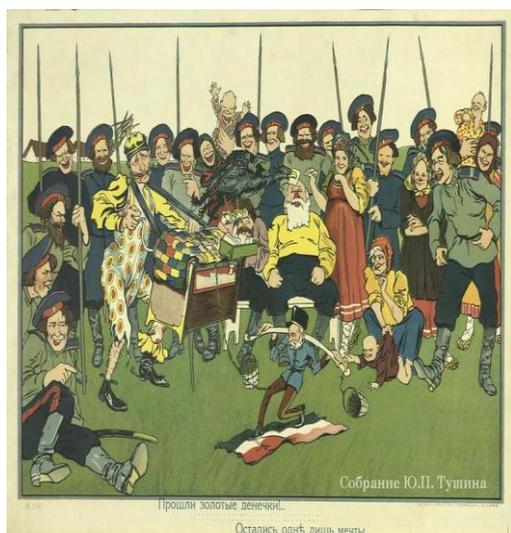
Приложение № 3 «Чаво этто ты Ванька делаешь? / Аль ня видишь – ду-
рака валяю!» [1914]

Приложение № 4 «Русский Геркулес» [1812]

Приложение №5 «Прошли золотые денечки!.../ Остались одни лишь мечты»

Приложение №6 «Пляска Наполеона» [1813]

Приложение №7 «Смотр французских войск на обратном их походе через Смоленск» [1813]

Приложение №8 «Парад»

УДК 94 (47) : 930.85

ББК 4402(345.62)61

ГСНТИ 03.01.45

Код ВАК 13.00.02

М. В. Шистеров

Екатеринбург

ТРАДИЦИИ И РЕВОЛЮЦИИ В ИСТОРИОГРАФИИ (О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СОВРЕМЕННЫХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПО ИСТОРИИ РИМСКОЙ БРИТАНИИ)

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Древний Рим, римский империализм, романизация, римская Британия, Римская империя, историография.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена некоторым проблемам изучения римской Британии в современной отечественной историографии. Разбирается ряд дискуссионных вопросов, связанных с характеристикой процесса романизации в Британии в современных отечественных исследованиях. Рассматривается влияние на отечественных исследователей новых подходов к пониманию феномена романизации и римского империализма, разработанных в англо-американской историографии.